

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2008 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/81/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2008 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
ДЕЛО “АХМАДОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба №21586/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

14 ноября 2008 года

*Текст постановления был отредактирован 3 июня 2009 г. и 8 июня 2010 года
в соответствии с Правилом 81 Регламента Суда*

ВСТУПИЛО В СИЛУ

6 июля 2009 года

В деле “Ахмадов и другие против России”

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Ханлар Хаджиев,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс,

Джорджи Малинверни, *судьи*,

и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 21 октября 2008 г. за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№. 21586/02) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») восьмью гражданами Российской Федерации, перечисленными в приложении («заявители») 9 апреля 2002 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представляли г-н П. Лаптев и г-жа В. Милинчук, оба Представители Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, в частности, на то, что их родственники погибли в результате атаки со стороны агентов Государства, и на отсутствие соответствующего расследования этого инцидента. Заявители также жаловались

на нарушение их права на уважение семейной жизни, на отказ в доступе к правосудию, на отсутствие эффективных средств правовой защиты в отношении нарушений их прав и на отсутствие эффективного расследования обстоятельств данного дела. Заявители ссылались на Статьи 2, 3, 5, 13 и 14 Конвенции.

4. 29 августа 2004 г. Президент Первой секции принял решение в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

5. Решением от 5 мая 2007 г. Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. Заявители и Правительство представили свои письменные замечания (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Первый заявитель – отец пятого и шестого заявителей и дедушка Амхада Ваха-Хаджиевича Гехаева, 1986 г. рождения. Второй и третий заявители – родители Залины Амадовны Межидовой, 1978 г. рождения. Шестой заявитель – муж Залины Межидовой и дядя Амхада Гехаева. Седьмой и восьмой заявители – дети Залины Межидовой.

8. Заявители проживают в Гудермесском районе Чеченской Республики.

A. Факты

1. События 27 октября 2001 г.

(а) Версия заявителей

9. Никто из заявителей не был свидетелем событий 27 октября 2001 года. Нижеизложенная версия событий основана на свидетельских показаниях, представленных заявителями.

10. 27 октября 2001 г. жители из нескольких сел Гудермесского района, включая двух родственников заявителей – Амхада Гехаева и Залину Межидову – собирали урожай на поле около села Комсомольское. Крестьяне получили предварительное разрешение от местных властей на проведение своих работ.

11. Около 15:00 сельчане погрузили урожай в автомобиль ВАЗ-2121 «Нива», принадлежащий первому заявителю, чтобы отвезти его в Комсомольское. Амхад Гехаев был за рулем, а Залина Межидова сопровождала его, так как она собиралась вернуться в село, чтобы присмотреть ее больной бабушкой и двумя малолетними детьми – седьмым и восьмым заявителями, которым было три г. и три месяца и четыре месяца и двадцать дней от роду соответственно.

12. В 15:10 вертолёт «МИ-8» и два вертолёта «МИ-24» без ясных бортовых номеров появились в небе над полем. На борту одного из вертолётчиков имелись буквы «ВВС РФ» («Военно-воздушные силы Российской Федерации»).

13. Вертолёты «МИ-24» направились в сторону поля и начали стрелять над головами людей, находившихся там, среди которых были женщины и дети.

14. Вертолёт «МИ-8» атаковал автомобиль «Нива». После нескольких предупредительных выстрелов машина остановилась. Затем вертолёт приземлился рядом, и несколько военнослужащих в форме подошли к «Ниве», обстреливая ее из автоматов. Они вытащили родственников заявителей из машины и положили их в вертолёт. Как указывают свидетели, Амхад Гехаев и

Залина Межидова выглядели ранеными либо мертвыми. Военные взорвали машину, и три вертолѐта затем улетели.

15. Сразу после инцидента жители Комсомольского сделали видеозапись машины. Автомобиль «Нива» был взорван, его окна выбиты, а в корпусе имелись многочисленные пулевые отверстия. На дверях машины имелись следы крови. Обувь Залины Межидовой и кепка Амхада Гехаева валялись неподалеку. Вскоре после инцидента прибыли сотрудники милиции, которые осмотрели и сфотографировали место происшествия, изъяли пули и гильзы от патронов различных калибров и оболочку сигнальной ракеты, исследовали пулевые отверстия в корпусе машины и изложили все эти факты в своем заключении.

16. Заявители ссылаются на показания жителя Комсомольского, который утверждает, что поздно вечером 27 октября 2001 г. он видел, как два бронетранспортера прибыли на место происшествия и вскоре после этого уехали.

(b) Версия Правительства

17. Как утверждает Правительство, с начала антитеррористической операции на территории Чеченской Республики гражданскими и военными властями были сделаны все необходимые шаги для обеспечения безопасности гражданского населения Северного Кавказа. Жители Чеченской Республики были оповещены о действиях, которые они должны предпринять, находясь в зоне какой-либо специальной антитеррористической операции, чтобы обозначить, что они не принадлежат к незаконным вооруженным формированиям. В частности, как только ими установлен «визуальный контакт» с представителями федеральных сил, жители должны прекратить движение, выйти из своих транспортных средств, продемонстрировать отсутствие огнестрельного оружия либо иного вооружения в руках и ждать прибытия группы военнослужащих для установления личностей.

18. 27 октября 2001 года, в соответствии с приказом вышестоящего командования, группа из трех федеральных военных вертолѐтов патрулировала воздушное пространство, пытаясь установить передвижения автомобилей повышенной проходимости, которые обычно использовались членами незаконных вооруженных формирований.

19. Около 15:30 в ходе патрулирования зоны около села Комсомольское пилоты вертолѐтов увидели автомобиль марки ВАЗ-2121 «Нива»,двигающийся на высокой скорости. Пилоты сделали предупредительные выстрелы, используя легкие автоматы, в точку, расположенную в 20-30 метрах от машины, с целью приказать ей остановиться. Согласно объяснениям Правительства, автомобиль «Нива» ускорил движение. Пилоты вновь сделали предупредительные выстрелы, используя то же огнестрельное оружие и целясь на то же расстояние от машины. Затем автомобиль «Нива» остановился, и вертолѐты приземлились. Военнослужащие из вертолѐтов увидели человека, выбегающего из машины и прячущегося в густых зарослях кустов вдоль дороги. Согласно объяснениям Правительства, люди, оставшиеся в машине, не вышли из нее и не продемонстрировали отсутствие оружия. Военнослужащие стали приближаться к «Ниве», но когда они были на расстоянии 10 метров от машины, она неожиданно начала движение. Офицер, командовавший военнослужащими, оценил ситуацию как угрожающую жизни и приказал открыть огонь на поражение по машине, в результате чего Амхад Гехаев и Залина Межидова были убиты.

20. В ходе последующего осмотра «Нивы» военнослужащими были обнаружены граната «Ф-1» и переносной комплекс для запуска ракет «РПГ-26».

Военнослужащие перенесли это оружие и тела погибших в вертолёт и доставили их компетентным органам.

2. Обнаружение тел Амхада Гехаева и Залины Межидовой

21. Немедленно после происшедшего заявители начали разыскивать Амхада Гехаева и Залину Межидову.

22. 28 октября 2001 г. первый заявитель в письменной форме обратился к различным должностным лицам Гудермесского района с просьбой о содействии в установлении местонахождения своего внука и невестки.

23. Как утверждают заявители, 29 октября 2001 г. трупы Амхада Гехаева и Залины Межидовой, упакованные в пластиковые мешки, были доставлены вертолётom в военную комендатуру Гудермесского района. Тела были сильно обезображены: у трупа Залины Межидовой отсутствовала верхняя часть головы, а труп Амхада Гехаева не имел нижних конечностей.

24. 30 октября 2001 г. останки были доставлены в Махачкалу, Республика Дагестан, для проведения независимой судебно-медицинской экспертизы. Согласно объяснениям заявителей, им было отказано в ознакомлении с заключением этой экспертизы.

25. Как утверждают заявители, в тот же день тела были им возвращены и они похоронили их.

26. 7 декабря 2001 г. отдел регистрации актов гражданского состояния Гудермесского района выдал свидетельства о смерти Залины Амхадовны Межидовой, 1978 г. рождения, и Амхада Ваха-Хажиевича Гехаева, 1986 г. рождения. В качестве даты смерти были указаны 1 и 27 ноября 2001 г. соответственно, а местом смерти указано село Комсомольское, Гудермесский район.

3. Уголовное расследование

27. С 27 октября 2001 г. заявители неоднократно лично и в письменной форме обращались в различные органы власти, включая прокуроров разных уровней, Администрацию Чеченской Республики, Специального представителя Президента Российской Федерации по соблюдению прав и свобод человека в Чеченской Республике и Председателя Верховного Суда Чеченской Республики. В своих письмах властям заявители ссылались на события 27 октября 2001 г. и спрашивали о помощи, а также о подробностях расследования. Эти запросы в основном оставались без ответа или приходили лишь формальные ответы, сообщающие, что запросы заявителей были перенаправлены в различные органы прокуратуры. Заявители также обращались в ряд неправительственных организаций и средств массовой информации.

28. 27 октября 2001 г. прокуратура Гудермесского района начала расследование в связи с обстрелом автомобиля «Нива» и задержанием Амхада Гехаева и Залины Межидовой. Делу был присвоен номер 21176. По утверждению заявителей, ни они, ни другие родственники не были формально уведомлены о начале расследования, или признаны потерпевшими.

29. 3 ноября 2001 г. прокуратура Гудермесского района передала дело для расследования в военную прокуратуру войсковой части №20102, которая получила дело 17 ноября 2001 г. и присвоила ему номер 14/33/0741-01. По сведениям Правительства, в связи с реорганизацией системы военной прокуратуры, номер дела был впоследствии изменен на 34/33/0741/01.

30. 30 ноября 2001 г. военная прокуратура войсковой части №20102 прекратила расследование, в связи с отсутствием признаков преступления в действиях военнослужащих, принимавших участие в событиях 27 октября 2001

года. Как утверждают заявители, им стало известно об этом решении лишь много времени спустя.

31. Письмом от 28 декабря 2001 г. военная прокуратура войсковой части №20102 уведомила заявителей, в ответ на их запрос, что:

“Предварительным расследованием установлено, что использование огнестрельного оружия военнослужащими 27 октября 2001 г. вблизи села Комсомольское было законным и обоснованным. Нет оснований для осуществления их уголовного преследования.

Кроме того, во время осмотра автомобиля «Нива» [военнослужащие] обнаружили незаконно хранившиеся там оружие и снаряжение”.

В письме указывалось, что уголовное дело, возбужденное в связи с причинением смерти родственникам заявителей, было прекращено, заявителям сообщалось, что они могут обжаловать это решение в судебном порядке, а также предъявить иск о возмещении материального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Как указывают заявители, им не была направлена копия постановления о прекращении уголовного дела, на которую содержится ссылка в письме от 28 декабря 2001 года, поэтому они не смогли его обжаловать.

32. 28 января 2002 г. прокуратура Чеченской Республики (далее - «прокуратура республики») уведомила четвертого заявителя, отца Амхада Гехаева, что его жалоба относительно отсутствия эффективного расследования убийства Амхада Гехаева и Залины Межидовой передана для рассмотрения в военную прокуратуру войсковой части №20102.

33. В тот же день Главная военная прокуратура сообщила четвертому заявителю, что его обращение от 5 декабря 2001 г. относительно расследования похищения и убийства Амхада Гехаева и Залины Межидовой передано в военную прокуратуру Северо-Кавказского военного округа и в Правительство Чеченской Республики.

34. Письмом от 28 января 2002 г. Администрация Чеченской Республики уведомила четвертого заявителя, что его обращение относительно похищения и убийства Амхада Гехаева и Залины Межидовой передано для проведения расследования командующему Объединенной группировкой войск (сил) – (далее – «ОГВ(с)»).

35. Письмом от 15 февраля 2002 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа ответила четвертому заявителю, что его обращение от 5 декабря 2001 г. было передано для проверки в военную прокуратуру войсковой части №20102.

36. В письме от 14 марта 2002 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа сообщила следующее:

“Уголовное дело №14/33/0741-01 было прекращено 30 ноября 2001 г. военной прокуратурой – войсковой частью 20102... в отсутствие признаков преступления в действиях [военнослужащих] воздушно-поисковой штурмовой группы войсковой части 20706, которыми осуществлялась боевая задача по поиску и задержанию лидеров вооруженных банд на территории Чечни. Основанием для решения о прекращении уголовного дела стало неисполнение А.В. Гехаевым, который управлял автомобилем ВАЗ-2121,... приказа группы остановиться с целью дать возможность осмотреть машину, в результате чего группой был открыт огонь по автомобилю. А.В. Гехаев и З.А. Ахмадова (Манаева), сидевшие в машине, погибли в результате полученных ранений. В ходе осмотра багажника автомобиля [военнослужащими] были обнаружены граната Ф-1 и переносной комплекс для запуска ракет РПГ-26”

В письме также указывалось, что дело изучается военной прокуратурой Северо-Кавказского военного округа, и заявители будут уведомлены о результатах этой проверки.

37. 20 марта 2002 г. шестой заявитель – дядя Амхада Гехаева и муж Залины Межидовой – направил жалобу в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Он ссылаясь на события 27 октября 2001 г. и требовал возобновления уголовного расследования в связи с похищением и убийством его родственников. Он также жаловался на то, что его обращения к военному прокурору Чечни остались без ответа.

38. В ответ 23 апреля 2002 г. Главная военная прокуратура направила жалобу шестого заявителя для рассмотрения в военную прокуратуру Северо-Кавказского военного округа.

39. В неопределенный день в июне 2002 г. шестой заявитель запросил военную прокуратуру Северо-Кавказского военного округа сообщить ему о развитии дела, указав, что в течение полутора месяцев он не получил никакой информации о результатах расследования.

40. Письмом от 21 июня 2002 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа уведомила шестого заявителя, что постановление от 30 ноября 2001 г. было отменено 21 июня 2002 г. в связи с неполнотой проведенного расследования. В письме также указывалось, что дело передано в военную прокуратуру войсковой части №20102 для нового расследования и что военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа будет контролировать ход расследования.

41. 27 июля 2002 г. шестой заявитель вновь обратился в военную прокуратуру Северо-Кавказского военного округа, с целью получить информацию о результатах расследования. 29 августа 2002 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа передала его обращение в военную прокуратуру войсковой части №20102.

42. В начале сентября 2002 г. шестой заявитель обратился одновременно в военную прокуратуру Северо-Кавказского военного округа и в военную прокуратуру войсковой части №20102 за информацией о результатах расследования. На данные обращения ответа не последовало.

43. 16 сентября 2002 г. шестой заявитель направил очередной запрос в военную прокуратуру войсковой части №20102. Он жаловался на то, что ни один из родственников Амхада Гехаева и Залины Межидовой не был допрошен следственными органами.

44. 18 ноября 2002 г. SRJI, действуя от имени заявителей, обратился в прокуратуру республики и прокуратуру Гудермесского района, чтобы узнать, какие меры были приняты с целью установления обстоятельств преступления и личностей виновных. SRJI также просил властей предоставить заявителям заключения экспертизы от 30 октября 2001 года.

45. Республиканская прокуратура передала вышеуказанное обращение в военную прокуратуру ОГВ (с).

46. Указанная прокуратура проинформировала SRJI 6 января 2003г., что в ходе предварительного расследования уголовного дела №34/33/0741/01, возбужденного в связи с похищением и убийством Амхада Гехаева и Залины Межидовой, были установлены личности участвовавших в инциденте военнослужащих. Уголовное расследование было прекращено 30 ноября 2001 г. в связи с отсутствием в их действиях признаков преступления. Военная прокуратура ОГВ (с) на данном этапе не может оценить законность постановления от 30 ноября 2001 года, так как материалы дела были 28 марта 2002 г. переданы прокурору военной прокуратуры Северо-Кавказского военного округа, которым дело изучается с названного времени.

47. 27 января 2003 г. военная прокуратура войсковой части №20102 сообщила SRJI, что расследованием были установлены все военнослужащие, участвовавшие в убийстве и похищении Амхада Гехаева и Залины Межидовой.

С целью детального восстановления картины событий 27 октября 2001 г. все участвовавшие в инциденте лица, включая пилотов вертолётов, были допрошены, были проведены три баллистические экспертизы. Был также осуществлен ряд судебно-медицинских экспертиз, но заключения этих экспертиз еще не были получены из экспертного учреждения в Махачкале. В письме утверждалось, что заключения судебно-медицинских экспертиз будут получены по требованию из экспертного учреждения в Махачкале и у потерпевших будет возможность ознакомиться с ними. Расследование продолжается.

48. 26 марта 2003 г. SRJI запросил у военной прокуратуры войсковой части №20102 сообщить заявителям о последних мероприятиях по делу и о точном количестве уголовных дел, возбужденных в связи с похищением и убийством Амхада Гехаева и Залины Межидовой. SRJI также сделал запрос на доступ заявителей к заключениям судебно-медицинской экспертизы и о том, чтобы заявителям были сообщены имена родственников, которым был предоставлен статус потерпевших по настоящему делу, а также передана копия соответствующего постановления.

49. 17 мая 2003 г. военная прокуратура войсковой части №20102 сообщила, что она не может ответить на запросы SRJI, так как дело №34/33/0741-01 было передано для изучения в военную прокуратуру ОГВ(с).

50. Вслед за получением данного письма 27 июля 2003 г. SRJI направил в военную прокуратуру ОГВ(с) запрос, аналогичный запросу от 26 марта 2003 года. Названная прокуратура 17 сентября 2003 г. перенаправила этот запрос в военную прокуратуру войсковой части №20102.

51. 20 июля 2003 г. шестой заявитель направил письмо в прокуратуру Гудермесского района. Он жаловался на то, что он неоднократно обращался в следственные органы с просьбами сообщить ему о результатах расследования смертей его жены и племянника, но ему не получил никакой информации. Он также жаловался на то, что ни он, ни четвертый и пятый заявители – родители Амхада Гехаева – на тот момент не были признаны потерпевшими.

52. Письмом от 11 августа 2003 г. Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе ответило шестому заявителю, сообщив ему, что его жалоба была направлена в прокуратуру республики «для рассмотрения по существу». Прокуратура республики жалобу шестого заявителя направила в прокуратуру Гудермесского района 25 августа 2003 года.

53. 21 октября 2003 г. военная прокуратура войсковой части №20102 ответила на письмо SRJI от 27 июля 2003 года, переправленное военной прокуратурой ОГВ(с), указав, что она не может предоставить никакой информации относительно расследования, так как материалы дела были переданы для изучения в военную прокуратуру Северо-Кавказского военного округа.

54. 20 декабря 2003 г. SRJI пожаловался в Главную военную прокуратуру на то, что его запросы в различные органы военной прокуратуры остаются без ответа.

55. Письмом от 15 апреля 2004 г. военная прокуратура ОГВ(с) сообщила SRJI, что расследование уголовного дела №34/33/0741-01 было прекращено 15 января 2004 г. в связи с отсутствием признаков преступления в действиях военнослужащих и что данной прокуратурой в настоящее время изучаются материалы дела с целью определения законности постановления от 15 апреля 2004 года. В письме далее указывалось, что заявителям будет сообщено о результатах этой проверки, и у них будет возможность ознакомиться с материалами дела в военной прокуратуре войсковой части №20102 в Ханкале.

56. 5 мая 2004 г. Главная военная прокуратура также сообщила SRJI, что уголовное дело было передано в военную прокуратуру войсковой части №20102 для дополнительного расследования. Заявителям было предложено направлять свои дальнейшие запросы в военную прокуратуру войсковой части №20102.

57. 21 июля 2005 г. военная прокуратура войсковой части №20102 сообщала шестому заявителю, что в этот же день уголовное дело №34/33/0741-01D в отношении капитана С., военнослужащего в/ч 74854, возбужденное по статьям 126 (похищение), 108 ч.2 (причинение смерти по неосторожности) и 244 (надругательство над телами умерших и местами их захоронения) Уголовного Кодекса РФ было повторно прекращено за отсутствием в деянии состава преступления, а материалы в части совершения им преступления по статье 286 ч.2 (превышение должностных полномочий) были повторно прекращены вследствие акта амнистии.

58. 24 января 2006 г. первый заявитель подал жалобу в связи с событиями 27 октября 2001 г. и на недостатки в расследовании Президенту Чеченской Республики. Никакого ответа на его жалобу не последовало.

59. 28 и 31 января 2006 г. первый, пятый и шестой заявители написали письмо в Генеральную прокуратуру с жалобой на смерть своих близких родственников и нерасследование этого факта. По всей видимости, никакого ответа на свои письма они не получили.

60. Ссылаясь на информацию, предоставленную Генеральной прокуратурой, Правительство сообщило, что 27 октября 2001 г. властями было начато расследование похищения родственников заявителей и затем расследование приостанавливалось, в связи с отсутствием признаков преступления в действиях военнослужащих, но затем возобновлялось вышестоящими прокурорами в связи с неполным характером расследования. Правительство представило справку о следственных мероприятиях по делу № 34/33/0741-01. Этот документ был подписан начальником одного из Управлений Главной военной прокуратуры и содержал список следственных мероприятий, предпринятых в ходе расследования, без предоставления детальной информации об этих действиях

61. Из этого документа следует, что расследование по уголовному делу №34/33/0741-01 было возбуждено по статье 126 (похищение) Уголовного Кодекса 27 октября 2001 года. Расследование было прекращено 30 ноября 2001 г. в виду отсутствия состава преступления в событиях 27 октября 2001 года. Это постановление было отменено 21 июня 2002 г. и материалы уголовного дела были переданы в военную прокуратуру войсковой части №20102 для дальнейшего расследования. В справке также утверждалось, что дежурный следователь военной прокуратуры войсковой части №20102 принял дело 8 декабря 2003 года. Остается непонятным, какие именно следственные действия проводились в период между 21 июня 2002 г. и 8 декабря 2003 года. Расследование было прекращено 8 января 2004 г. в виду отсутствия состава преступления в событиях 27 октября 2001 года. Это постановление было отменено 21 мая 2004 г. и материалы были направлены на дополнительное расследование. 10 июля 2004 г. следствие в отношении капитана С., командующего военнослужащими в ходе событий 27 октября 2001 года. Тем не менее, расследование было вновь возобновлено 23 октября 2004 г. и 7 мая 2005 г. и затем прекращено в связи с актом амнистии 7 апреля и 21 июля 2005 года.

62. Из этой справки также следует, что место происшествия было осмотрено 27 октября и 9 ноября 2001 года, а также автомобиль «Нива» был досмотрен 9 ноября 2001 года. Как следует из справки, в первые несколько дней после событий 27 октября 2001 фрагменты пуль и гильзы были изъяты с места происшествия и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств и направлены на экспертизу. Также в течение первых дней после событий

следователи собрали и рассмотрели документы, касающиеся боевой операции 27 октября 2001 года, в том числе оружие и боеприпасы военнослужащих, участвовавших в вышеуказанных событиях. В то же самое время было назначено несколько экспертиз и допрошены некоторые свидетели по делу. В справке указываются фамилии ряда свидетелей, за исключением некоторых, по всей видимости, военнослужащих, участвовавших в выполнении операции 27 октября 2001 года, и указывались только первые буквы их фамилий. Согласно этой справке, только А.А.Межидов — вероятно, имеется в виду третий заявитель — был допрошен и признан потерпевшим по делу 3 ноября 2001 года.

63. В справке также указывалось, что «мужской и женский трупы были осмотрены» 29 октября 2001 г. и что судебно-медицинская экспертиза останков родственников заявителей была назначена на 30 октября 2001 года, хотя неясно была ли эта экспертиза проведена. Далее в справке утверждалось, что «результаты судебно-медицинского исследования трупов были получены 29 июня 2004 года». Как можно понять из справки, по-видимому, уголовное расследование было возбуждено в отношении капитана С., офицера, командующего военнослужащими, которые атаковали автомобиль «нива» 27 октября 2001 года, но следствие было прекращено 21 июля 2005 г. вследствие акта амнистии.

64. В своих замечаниях от 6 августа 2007 года, поданных после вынесения решения о приемлемости, Правительство не представило никакой информации относительно хода расследования после 21 июля 2005 года, несмотря на специальный запрос Суда. В ответ на другой вопрос Суда, Правительство уточнило, что 29 октября 2001 г. следователи произвели осмотр трупов Амхада Гехаева и Залины Межидовой в присутствии судебно-медицинских экспертов. Оно также сообщило, что судебно-медицинская экспертиза останков была назначена и проводилась с 30 октября 2001 г. по 19 февраля 2002 года. Как утверждало Правительство, согласно выводам экспертов от 19 февраля 2002 г. №221 на трупе Амхада Гехаева обнаружены шесть огнестрельных и осколочных ранений грудной клетки, ранения причинены воздействием фрагментов пули и вторичных железосодержащих снарядов (элементов обшивки автомашины). В заключении также говорилось, что травматическая ампутация нижних конечностей Амхада Гехаева была причинена в результате взрыва какого-либо взрывного устройства. Смерть Амхада Гехаева наступила от обильной кровопотери вследствие огнестрельного пулевого ранения грудной клетки с повреждением сердца и левого легкого. В замечаниях Правительства приводило выводы заключения №222 от 19 февраля 2002 года, согласно которым при исследовании останков Залины Межидовой обнаружены три огнестрельных ранения правой ягодицы бедра и области лобка. Правительство не сообщило никакой другой информации относительно выводов экспертизы трупа Залины Межидовой и, в частности, не указывало причину ее смерти. Оно также ничего не сказало относительно утверждений заявителей, что верхняя часть головы Залины Межидовой пропала. Согласно версии Правительства, оба экспертных заключения указывали, что ранения жертв имели прижизненный характер. Правительство не предоставило копии никаких отчетов, на которые ссылалось.

4. Обжалование действий (бездействия) следственных органов в суде

65. 13 октября 2003 г. первый заявитель подал жалобу в военный суд Северо-Кавказского военного округа на бездействие следователей военной прокуратуры войсковой части №20102, военной прокуратуры ОГВ(с) и военной прокуратуры Северо-Кавказского военного округа. Он детально описал события 27 октября 2001 года, обстоятельства обнаружения тел Амхада Гехаева и

Залины Межидовой и безуспешные попытки заявителей добиться расследования смертей своих родственников. Он далее жаловался на то, что расследование сопровождалось серьезными ошибками, сделавшими его неэффективным. Первый заявитель жаловался, в частности, на то, что расследование продолжалось почти полтора года без каких-либо результатов, ни один из многочисленных очевидцев событий 27 октября 2001 г. не был допрошен следователями, заключение судебно-медицинской экспертизы останков Амхада Гехаева и Залины Межидовой не было приобщено к материалам дела, ни один из родственников погибших не был ознакомлен с этим заключением, ни один из родственников погибших не был признан потерпевшим, ни одному из них не была вручена копия постановлений о возбуждении уголовного дела либо о прекращении расследования, они не информировались о мерах, принятых с целью расследовать события 27 октября 2001 года, а их многочисленные запросы и ходатайства оставались без ответа или на них давались лишь формальные отписки. Первый заявитель просил суд обязать уполномоченные органы провести полное и объективное расследование, способное привести к установлению виновных в смертях его родственников.

66. Военный суд Северо-Кавказского военного округа 13 ноября 2003 г. передал эту жалобу в Грозненский гарнизонный военный суд.

67. Письмом от 1 декабря 2003 г. Грозненский гарнизонный военный суд уведомил первого заявителя, что судебное заседание в связи с его жалобой назначено на 9 декабря 2003 года. Письмо было направлено на адрес SRJI в Москве, а не по адресу первого заявителя в Гудермесском районе Чечни. Согласно данным SRJI, вышеуказанное письмо было получено им 8 января 2004 года, поэтому ни первый заявитель, ни его представители из SRJI не смогли присутствовать на заседании.

68. 9 декабря 2003 года, в отсутствие первого заявителя или его представителей и в присутствии представителей ответчиков, Грозненский гарнизонный военный суд рассмотрел жалобу первого заявителя от 13 октября 2003 г. и оставил ее без удовлетворения в связи с необоснованностью. Суд, в частности, установил:

«Было установлено, что объективной причиной затянутого разбирательства дела стало то, что материалы дела передавались с помощью секретной почты на различные уровни компетентных органов власти.

Вопрос необходимости допроса тех или иных свидетелей находится в компетенции следователя, ведущего дело, либо надзирающего прокурора.

Из материалов дела также следует, что заключение судебно-медицинской экспертизы тел З. Межидовой и А. Гехаева не было приобщено к материалам дела, в результате чего [заявителям] было невозможно ознакомиться с ним...

...22 июля 2002 г. постановление о прекращении уголовного расследования в связи с похищением З.[Межидовой] и А. Гехаева военнослужащими было отменено, но дело было передано старшему следователю военной прокуратуры – войсковой части 20102 только 8 декабря 2002 года. В результате этого [заявители] не были проинформированы о ходе расследования и соответственно [им] не был предоставлен статус потерпевших.

Соответственно, установлено, что не имеется доказательств нарушения законности в действиях [ответчиков]».

69. 20 января 2004 г. SRJI направил письмо в Грозненский гарнизонный военный суд, указав, что письмо суда от 1 декабря 2003 г. было получено ими лишь 8 января 2004 года. В суд был направлен запрос с просьбой представить копию своего решения от 9 декабря 2003 года, если таковое было вынесено в этот день, а впредь сообщать о назначении судебных заседаний заранее. Также было указано на то, что адрес первого заявителя в Чечне был указан на первой странице его жалобы.

70. Двумя письмами от 17 июня 2004 г. Грозненский гарнизонный военный суд направил первому заявителю и в SRJI копию своего решения от 9 декабря 2003 г. без дополнительных объяснений. Как сообщают заявители, это письмо так и не дошло до первого заявителя, а в SRJI получили его 4 сентября 2004 года.

71. 13 сентября 2004 г. SRJI направил ходатайство о восстановлении процессуальных сроков на обжалование решения от 9 декабря 2003 года. Ходатайство было направлено заказным письмом и получено Грозненским гарнизонным военным судом 21 октября 2004 года. Ответа не последовало.

72. 11 февраля 2005 г. SRJI направил копию своего ходатайства от 13 сентября 2004 г. в Грозненский гарнизонный военный суд и попросил его объяснить причины отсутствия ответа на ходатайство, полученное судом 21 октября 2004 года. Как сообщают заявители, в ответ им было сообщено, что судом письмо от 13 сентября 2004 г. получено не было. Исход этого процесса остается не выясненным.

В. Запросы Суда о предоставлении материалов уголовного дела

73. В апреле 2005 года, когда жалоба была коммуницирована, Правительству было предложено предоставить копии материалов уголовного дела, возбужденного в связи с событиями 27 октября 2001 года. Ссылаясь на информацию, полученную из Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что расследование продолжается, и передача документов будет нарушением статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса, так как дело содержит информацию военного характера и данные личного характера о свидетелях. В то же время Правительство предложило, чтобы делегация Суда ознакомилась с делом в месте проведения предварительного расследования, за исключением «тех документов [содержащих военную информацию и личные данные свидетелей] и без права делать копии дела и передавать его другим лицам».

74. В августе 2005 г. Суд повторил свой запрос, ссылаясь на Правило 33 § 3 Правил Суд. В ответ, Правительство вновь отказалось предоставить материалы уголовного дела по вышеупомянутым основаниям. Правительство, тем не менее, направило в Суд отчет, содержащий перечень следственных мероприятий по уголовному делу №34/33/0741-01 (см. п.п. 60-63 выше).

75. 3 мая 2007 г. жалоба была признана частично приемлемой. На этой стадии Суд вновь предложил Правительству предоставить материалы уголовного дела и информацию относительно хода расследования после 21 июля 2005 года. Принимая во внимание заявление Правительства о том, что 27 октября 2001 г. военнослужащие федеральных сил выполняли боевое задание в порядке пресечения преступной деятельности членов незаконных бандформирований в Чечне и его заявление о том, что использование силы федеральными военнослужащими не превышало абсолютной необходимости в ходе происшествий 27 октября 2001 года, Суд также поставил перед Правительством ряд конкретных вопросов. В частности, были поставлены вопросы о том, какие именно органы и должностные лица осуществляли планирование и руководство операцией, каким образом военнослужащие инструктировали гражданское население о мерах безопасности, и использовали ли родственники заявителей какое-либо огнестрельное оружие или совершали противоправные действия до того как федеральные солдаты нанесли смертельные выстрелы.

76. В ответ Правительство вновь отказалось предоставить Суду материалы уголовного дела, ссылаясь на Статью 161 Уголовно-процессуального кодекса

РФ и отсутствие гарантий со стороны Суда, что в случае раскрытия уголовного дела заявителям или их представителям материалы не станут публичными. Правительство оставило без внимания вопрос Суда относительно хода расследования уголовного дела после 21 июля 2005 г. и вопрос о том, использовали ли родственники заявителей огнестрельное оружие или противоправное действие против военнослужащих федеральных сил 27 октября 2001 года. Что касается вопроса Суда о том, какие именно органы и должностные лица осуществляли планирование и руководство операцией 27 октября 2001 г. и были ли какие-либо требования, регламентирующие обеспечение безопасности местного населения, Правительство ответило, что при проведении задания должностные лица, осуществляющие руководство операцией, и их подчиненные руководствовались требованиями национального законодательства об обеспечении безопасности местного населения и порядком принятия решения и отдачи приказа о применении средств поражения и что «каждый военнослужащий... знает и должен соблюдать правила обращения с гражданским населением в районе боевых действий». Правительство отказалось предоставить более конкретные данные об операции или другие подтверждающие документы, поскольку они содержат секретную информацию.

С. Судебные постановления, предоставленные Правительством

77. Правительством были представлены копии постановлений российских судов по гражданским делам, не связанным с рассматриваемой жалобой. Среди них четыре постановления судов первой инстанции в отношении военнослужащих федеральных сил, рядовых и отставных офицеров, которые были осуждены за уголовные преступления, совершенные на территории Республики Ингушетия и Чеченской Республики, а так же постановление суда первой инстанции и кассационное постановление назначающее наказание за непроведение расследования властями в связи с похищением и последующим освобождением человека в Кабардино-Балкарской Республике.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

78. См. обобщенное изложение применимых норм национального законодательства в постановлении по делу [Khatsiyeva and Others v. Russia, no. 5108/02](#), §§ 105-107, 17 января 2008.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. Доводы сторон

79. Правительство утверждало, что заявителями не были использованы имеющиеся в их распоряжении средства правовой защиты на внутригосударственном уровне. Оно заявило, что расследование смерти родственников заявителей не завершено. Оно также утверждало, ссылаясь на статью 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, что заявители могли предъявить в суд гражданский иск на действия или бездействия правоохранительных органов и требовать возмещения ущерба, причиненного

смертью их родственников, однако, как заявляло Правительство, они не воспользовались данным средством правовой защиты.

80. Заявители оспорили данное возражение Правительства. Они указали, что обжаловали в суде отказ властей проводить эффективное расследования событий 27 октября 2010 года, которое оказалось безрезультатным. Заявители утверждали в этой связи, что от них не требовалось прибегать к данному средству правовой защиты, так как оно является неэффективным и, в частности, неспособно привести к установлению и наказанию виновных лиц, как требуется в соответствии с установившейся практикой Суда в отношении жалоб по статье 2 Конвенции.

В. Оценка Суда

81. Суд посчитал в своем решении от 3 мая 2007 года, что вопрос исчерпания внутренних средств правовой защиты близко связан с существом дела и его необходимо объединить с рассмотрением дела по существу. Далее Суд приводит свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики.

82. Суд напоминает о том, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты согласно Статье 35 § 1 Конвенции налагает на заявителей обязанность вначале использовать средства правовой защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы для восстановления нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть в достаточной степени установленным как в теории, так и на практике - в противном случае данные средства не являются доступными и эффективными. Однако заявитель не обязан прибегать к средству правовой защиты, которое неадекватно или неэффективно. Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имелась возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и что имелись разумные перспективы успеха. (см. *Aksoy v. Turkey* постановление от 18 декабря 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996 VI, стр. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others v. Turkey*, постановление от 16 сентября 1996 г., *Отчеты 1996 IV*, стр. 1210, § 65-67; и из последних по времени, *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, no. 41964/98, § 64, 27 июня 2006 г.)

83. В настоящем деле в части возражения Правительства относительно того, что заявители не предъявили гражданский иск о возмещении вреда, причиненного им в результате смерти родственников, Суд указывает, что согласно его прошлым постановлениям в ряде аналогичных случаев, такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого расследования и в отсутствие результатов следствия по уголовному делу гражданское судопроизводство не способно привести к установлению участников нападения, ставшего причиной смерти, и тем более установить степень их ответственности. Кроме того, обязательства Государства в рамках Статей 2 и 13 Конвенции по организации расследования, способного привести к установлению и наказанию ответственных в совершении преступления, стало бы иллюзорным, если бы в случае жалоб на нарушение данных Статей

заявитель должен был бы использовать средство правовой защиты, способное привести лишь к присуждению компенсации (см. *Yaşa v. Turkey*, постановление от 2 сентября 1998 г., *Отчеты 1998 VI*, стр. 2431, § 74, и *Khatsiyeva and Others*, цит. выше, §112). В свете вышесказанного Суд считает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск и что эту часть предварительных возражений Правительства следует отклонить.

84. Что касается аргумента Правительство о том, что расследование еще не было закончено и что заявители не обжаловали действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов в суде по Статье 125 УПК РФ, Суд в первую очередь отмечает, что Правительство не указало, какие именно действия или бездействия следователей заявители должны были обжаловать в суде. Он далее замечает, что правовой документ, на который ссылалось Правительство, вступил в законную силу 1 июля 2002 и что заявители, очевидно, не имели возможности прибегнуть к средству, требуемому Правительством до даты рассмотрения. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства вызывает сомнения, непосредственно связанные с вопросом об эффективности расследования, а потому Суд считает уместным обратиться к нему в рамках рассмотрения по существу жалоб заявителей на нарушение Статьи 2 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

85. Жалоба заявителей состояла в том, что право на жизнь их родственников - Амхада Гехаева и Залины Межидовой - было нарушено. Они также жалуются, что органами государственной власти не было проведено эффективное расследование обстоятельств смерти их родственников. Заявители ссылались на Статью 2 Конвенции, которая гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

А. Предполагаемый отказ в защите права на жизнь

1. Информация, предоставленная сторонами

86. Заявители утверждают, что их погибшие родственники были мирные жители, не использовали огнестрельного оружия, не совершали никаких противоправных действий и не представляли опасность для мирного населения или военнослужащих. Заявители категорически отрицают версию о том, что какое-либо оружие могло быть спрятано в багажнике машине «Нива», и аргументируют это тем, что даже если предположить, что оно там было, их родственники не могли угрожать военнослужащим, оружие якобы найденное в багажнике было сложено вместе с большим количеством овощей, собранных в поле. Заявители далее отрицают, что власти дали хоть какие-то разъяснения относительно того, какое поведение мирных жителей предусматривалось на территории проведения антитеррористической операции. Они утверждают

таким образом, что использование силы со стороны Государства, повлекшее за собой лишение жизни родственников заявителей явно непропорционально обстоятельствам дела и не может быть оправдано по Статье 2 § 2 Конвенции. Заявители испытывают волнение в связи с тем, что Правительство не предоставило никакие разумные объяснения или документальные подтверждения обратного.

87. Правительство согласилось с тем, что родственники заявителей были лишены жизни агентами Государства. Но при этом Правительство утверждало, что родственники заявителей были убиты в ходе антитеррористической операции, проводимой федеральными силами в Чеченской Республике с целью законного задержания участников незаконных вооруженных формирований, пресечения дальнейшей противоправной деятельности последних.

88. Правительство настаивало на том, что с момента начала антитеррористической операции органами государственной власти и управления, военным командованием были приняты необходимые меры по обеспечению безопасности гражданского населения, проживающего в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации и, в частности, информировали жителей Чеченской Республики о порядке совершения конкретных действий предупреждающего характера (подача условных сигналов о непринадлежности к НВФ) в случае, когда они оказались в районе проведения антитеррористической операции. По мнению Правительства, в ходе проведения операции, и в частности, когда выполнялось боевое задание 27 октября 2001 года, военнослужащие федеральных сил: командующие офицеры и их подчиненные – действовали согласно требованиям национального законодательства, регламентирующим обеспечение безопасности гражданского населения, а также относительно использования средств поражения.

89. Правительство отказалось предоставить более подробные сведения о планировании и проведении операции 27 октября 2001 года, ссылаясь на интересы национальной безопасности. Оно не указало, были ли военнослужащим заранее даны указания избегать потерь среди гражданского населения» при проведении операции 27 октября 2001 года, говорилось только, что «каждый военнослужащий... знает и должен соблюдать правила обращения с гражданским населением в районе боевых действий».

90. Правительство далее утверждало, что родственники заявителей отказались подчиниться требованиям, в результате чего военнослужащие федеральных сил приняли их за участников незаконных вооруженных формирований. В частности, они отказались остановить машину и продолжали движение после первых предупредительных выстрелов. Более того, после того как автомобиль остановился, неустановленный человек выбежали из него и скрылся в кустах. Правительство также утверждало, что автомобиль «Нива» внезапно начал движение, поэтому военнослужащие открыли прицельный огонь по машине, в результате чего погибли родственники заявителей. В связи с этим Правительство заявило, что командующий офицер оценил ситуацию, как реальную угрозы жизни, принимая во внимание, что такая тактика остановки автомобиля по требованию и внезапное начало движения с оказанием вооруженного сопротивления часто использовалась боевиками. И, наконец, Правительство утверждало, что осмотр автомобиля был поведен сразу после инцидента и военнослужащие обнаружили гранату и ручной гранатомет в багажнике. Правительство не ответило на вопрос Суда о том, применялось ли родственниками заявителей огнестрельное оружие или противоправные действия против военнослужащих федеральных сил 27 октября 2001 года.

91. Исходя из этого, Правительство делает вывод, что применение средств поражения в данном случае было абсолютно необходимым в значении Статьи 2

§ 2 (a) и (b) Конвенции, и что смерть Амхада Гехаева и Залины Межидовой «явилась результатом несоблюдения местными жителями установленных правил обеспечения личной безопасности в районе проведения уполномоченными государством лицами мероприятий антитеррористического характера и неподчинения правомерным требованиям военнослужащих».

2. Оценка Суда

92. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое в мирное время не может быть объектом частичной отмены, предусмотренной Статьей 15. Ситуации, в которых может быть оправдано лишение жизни, представляют собой исчерпывающий перечень и подлежат ограничительному толкованию. Применение силы, способной привести к лишению жизни, должно быть "абсолютно необходимым" для достижения одной из целей, установленных в Статье 2 § 2 (a), (b) и (c). Термин «абсолютная необходимость» обуславливает применение более строгих и убедительных критериев необходимости, чем те, что обычно используются для установления того, является ли действие Государства «необходимым в демократическом обществе» согласно п.2 Статей 8 и 11 Конвенции. Исходя из этого, применение силы должно быть строго пропорционально результату, каковым является достижение допустимых целей. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особенно тщательному изучению, особенно в случае намеренного применения средств поражения, с учетом не только действий агентов Государства, фактически применяющих такие средства, но и сопутствующих обстоятельств, в том числе таких, как планирование и осуществление рассматриваемых действий (см. *McCann and Others*, постановление от 27 сентября 1995 года, Серия А №324, §§ 146 50; *Andronicou and Constantinou v. Cyprus*, постановление от 9 октября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997 VI, стр. 2097 98, § 171; и *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 78, ECHR 1999 III).

93. Кроме того, рассматривая обстоятельства, когда лишение жизни может быть оправдано, Статья 2 налагает первостепенное обязательство на Государство охранять право на жизнь посредством необходимых юридических и административных ограничений, определяющих условия, в которых правоохранительные органы могут использовать силу или оружие, в свете соответствующих международных стандартов (см. *Makaratzis v. Greece* [GC], no. 50385/99, §§ 57-59, ECHR 2004-XI и *Nachova and Others v. Bulgaria* [GC], nos. 43577/98 and 43579/98, § 96, ECHR 2005-VII). Более того, национальное законодательство, регулирующее действия полиции должно обеспечить систему адекватных и эффективных мер против произвола и злоупотребления силой и предотвращения подобных инцидентов (см. *Makaratzis*, цит. выше, § 58). В частности, сотрудники правоохранительных органов должны уметь оценить, является ли абсолютно необходимым применение огнестрельного оружия, основываясь не только соответствующими рекомендациями, но и принимая во внимание важность человеческой жизни как фундаментальной ценности (см. *Nachova and Others*, cited above, § 97).

94. В настоящем деле Государство признает, что Амхад Гехаев и Залина Межидова были лишены жизни агентами Государства в результате намеренного применения средств поражения. Таким образом, имеет место ответственность Государства. Это не означает, что применение силы военнослужащими федеральных сил против Амхада Гехаева и Залины Межидовой было абсолютно

необходимым и потому строго пропорциональным желаемому результату – достижению целей, предусмотренных в п. 2 Статьи 2.

95. Суд отмечает разногласия между сторонами относительно событий 27 октября 2001 года. Остается неоспоримым то, что автомобиль, в котором ехали родственники заявителей, остановился после предупредительных выстрелов, произведенных пилотами с военного вертолета федеральных сил, затем вертолет приземлился; позиции сторон расходятся в описании последующих событий. В частности, Правительство утверждало, что некий мужчина выскочил из машины и скрылся в кустах, заявители с этим категорически не согласны. Более того, в то время как заявители утверждали, что военнослужащие федеральных сил подошли к автомобилю, обстреливая его из автоматов, Правительство заявляло, что военнослужащие начали приближаться к машине, намереваясь проверить личности находящихся там людей, и что автомобиль внезапно начал движение, спровоцировав тем самым военнослужащих открыть огонь на поражение. Правительство также заявило, что в багажнике были обнаружены граната и ручной гранатомет, заявители отрицают это.

96. Суд не считает необходимым проводить дискуссию между сторонами относительно фактов, даже при условии, что версия Правительства представлена им достоверно, Суд не считает, что Правительство должным образом объяснило использование силы на поражение против родственников заявителей.

97. Суду известно о трудностях, имевших место в рассматриваемый период времени в Чеченской Республике и требовавших от Государства принятия чрезвычайных мер для подавления противоправной деятельности НВФ (см. *Isayeva and Others v. Russia*, nos. 57947/00, 57948/00 и 57949/00, § 178, 24 февраля 2005 г. или [Khatsiyeva and Others](#), цит. выше, § 134). Суд, тем не менее, не считает, что такой факт, как вооруженный конфликт в Чечне, может оправдывать действия представителей Государства, призывающих действовать без предварительной подготовки. Учитывая сложности в политике современного общества, трудность прогнозирования поведения человека и оперативный выбор, который должен быть сделан в приоритетное время и соответствующими способами, обязанность защищать право на жизнь должна быть интерпретирована как путь, который не считается невозможным или непропорциональным бременем для властей. (см. *mutatis mutandis*, *Makaratzis*, цит. выше, § 69, и *Mahmut Kaya v. Turkey*, №. 22535/93, § 86, ECHR 2000-III).

98. Принимая во внимание настоящее дело, Суд отмечает, что Правительство отказалось продемонстрировать, что обстоятельства инцидента 27 октября 2001 г. требовали неотвратимого использования средств поражения против родственников заявителей. Даже при условии, что, действительно, некий мужчина выбежал из машины и скрылся в близлежащих кустах, что военнослужащие начали приближаться к машине с целью проверки личностей находящихся в ней людей, что машина внезапно двинулась с места и что граната и гранатомет были впоследствии обнаружены в автомобиле, как утверждает Правительство, следующие ключевые элементы дела остаются неясными.

99. Во-первых, Суд отмечает в качестве важнейшего основания, что, как было заявлено, федеральные военнослужащие, участвовавшие в событиях 27 октября 2001 года, действовали в полном соответствии с национальным законодательством и инструкциями по обеспечению безопасности местного населения, а также требованиями по использованию средств поражения, Государство-ответчик отказалось предоставить хоть какие-то из этих законодательных требований или инструкций, или определить более конкретно

правовые инструменты, на которые оно ссылалось. Это мешало Суду оценить, были ли соответствующие правовые ограничения использования силы и средств поражения военными и, если да, учитывались ли ими меры безопасности, предупреждающие произвольное лишение жизни и удовлетворяющие условиям законного защиты права на жизнь, охраняемого Статьей 2 Конвенции.

100. Суд дальше находит недопустимым, что, вопреки его специальному запросу, Правительство решительно отказалось, ссылаясь на военную секретность, предоставить информацию о планировании и проведении боевого задания 27 октября 2001 год, которое повлекло за собой смерть родственников заявителей, и ответить на вопрос Суда, были ли военнослужащие соответствующим образом инструктированы относительно предупреждения несчастных случаев среди местных жителей в ходе проведения операции. Суд не считает удовлетворительным заявление Правительства, что «каждый военнослужащий обязан знать и строго соблюдать правила обращения с гражданским населением в зоне военных действий» в отсутствие более подробных объяснений в связи с этим.

101. Что касается действий военнослужащих в ходе событий 27 октября 2001 года, Суд замечает, что Правительство не предоставило разъяснений относительно того момента, когда пилоты обнаружили автомобиль «Нива», доложили ли они или обязаны ли были доложить об этом в командный центр, получили ли они какие-либо распоряжения из него или должны ли были получить. Также остается неясным и не было разъяснено Правительством, какие приказы или предупреждения были сделаны сидящим в «Ниве» после того, как машина остановилась. Во-вторых, что касается утверждения Правительства, что после того как автомобиль остановился, из него выбежал человек и скрылся в кустах у дороги, Суд замечет, что Правительство не сообщило, был ли этот человек опасен для военнослужащих или мог быть опасен, был ли он вооружен, или были ли попытки преследовать этого человека, если федеральные военнослужащие сочли его боевиком. В-третьих, относительно заявления Правительства о том, что автомобиль внезапно начал движение, когда военнослужащие находились на расстоянии 10 метров от него, что и побудило их открыть огонь на поражение, Правительство не предоставило никаких подробностей касательно погодных условий и видимости территории, оно не объяснило, с какой стороны военнослужащие подходили к машине, видели ли они или могли ли видеть отчетливо через окна, что со стороны родственников заявителей им угрожает какая-то опасность. И, наконец, Правительство не разъяснило, вопреки специальному вопросу Суда, подвергались ли военнослужащие или могли ли подвергнуться риску со стороны родственников заявителей или из-за поведения последних или из-за того, что в багажнике машины впоследствии было найдено оружие. Между прочим, это не означало, что родственники заявителей могли прибегнуть к помощи оружия, находящегося в багажнике. В связи с этим Суд не может заключить, что использование средств поражения против родственников заявителей было основано на добросовестности и достаточных основаниях, имеющих силу при оценке этой ситуации (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 200),

102. Суд находит, что в отсутствие информации о существенных элементах, упомянутых в п. 99-101, Правительство не может утверждать о необходимости применения средств поражения в обстоятельствах данного дела. Из этого нельзя заключить, что лишение жизни Амхада Гехаева и Залины Межидовой явилось результатом применения силы в ситуации абсолютной необходимости для достижения целей, предусмотренных Статьей 2 § 2 (a) и (b) Конвенции.

103. В связи с вышеозначенными обстоятельствами имело место нарушение Статьи 2 Конвенции

В. Предполагаемая неэффективность расследования

1. Доводы сторон

104. Заявители утверждали, что расследование обстоятельств смерти их родственников не соответствовало требованиям национального законодательства и нормам Конвенции. Уголовное дело продолжалось с 27 октября 2001 года, на протяжении этого срока приостанавливалось и возобновлялось, но не привело к значимым результатам.

105. Правительство утверждало со ссылкой на Генеральную прокуратуру, что следствие, проведенное по настоящему делу, соответствовало требованиям Конвенции к эффективности. Уголовное дело было возбуждено в день, когда родственники заявителей были убиты, и все решения о приостановлении производства по делу были впоследствии отменены вышестоящими прокурорами и следствие возобновлялось. Продолжительность расследования, с точки зрения Правительства, может быть оправдана сложностью ситуации в Чечне и конкретными обстоятельствами случившегося 27 октября 2001 года.

2. Оценка Суда

106. Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции, истолкованная в совокупности с общим правилом Статьи 1 Конвенции: «обеспечивать каждому лицу, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», означает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование в какой-либо форме всех случаев гибели людей в результате применения силы, особенно агентами Государства. Такое расследование должно быть эффективно в том смысле, что оно должно вести к определению необходимости применения силы в данных обстоятельствах (см *Kaya v. Turkey*, постановление от 19 февраля 1998, *Reports* 1998-I, p. 324, § 87) и к установлению и наказанию лиц несущих ответственность за преступление (см. постановление *Oğur*, цит. выше § 88).

107. В частности, власти должны были предпринять разумные меры, необходимые для воссоздания ясной картины произошедшего, в том числе *inter alia* установление очевидцев, существенные доказательства и проведение аутопсии, которая содержала бы полную и точную запись повреждений и объективный анализ клинических данных, включая причину смерти (см. относительно аутопсии, например, *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 106, ECHR 2000-VII; относительно очевидцев, например, *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, ECHR 1999-IV, § 109; и относительно существенных доказательства, например, *Gül v. Turkey*, no. 22676/93, [Section 4], § 89). Любые недостатки в расследовании, которые подрывают его способность установить причину смерти или личную ответственность, могут идти против этого стандарта

108. Также здесь подразумевается требование незамедлительного начала подобного расследования и проведения его в разумные сроки (см. цитируемое выше постановление по делу *Yaşa*, § 102-04, и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-07). Следует признать возможность возникновение препятствий или трудностей, мешающих проведению расследования в конкретной ситуации. Однако незамедлительное реагирование властей путем расследования случаев применения силы, повлекшей лишение жизни, можно считать в целом необходимым для поддержания в обществе веры в верховенство закона и во избежание впечатления пособничества противоправным действиям или терпимого отношения к ним.

109. По тем же причинам для обеспечения подотчетности не только в теории, но и на практике необходим элемент адекватного общественного контроля над ходом следствия и его результатами. Требуемая степень общественного контроля может быть разной в различных случаях. Однако во всех случаях ближайший родственник жертвы должен участвовать в процессуальных действиях в такой степени, в какой это необходимо для обеспечения его (ее) законных интересов (см. *Shanaghan v. the United Kingdom*, no. 37715/97, §§ 91-92, 4 мая 2001 г.).

110. В настоящем случае Суд отмечает, что в некотором объеме расследование убийства родственников заявителей проведено было. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции. Суд отмечает в этой связи, что данных о расследовании очень мало, так как Правительство отказалось предоставить материалы уголовного дела и ответить на конкретные вопросы Суда (см. п. 73-76 выше). Делая выводы из поведения Правительства при установлении фактов (см. *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше, § 161), Суд будет оценивать существо жалобы на основании имеющихся у него сведений.

111. Суд отмечает, что, как следует из справки о следственных мероприятиях, предоставленной Правительством (см п. 60-63 выше), власти пытались надлежащим образом и незамедлительно расследовать события 27 октября 2001 г. и восстановить картину произошедшего. В частности, расследование было начато в этот же день и были проведены некоторые важные следственные действия, такие как осмотр места происшествия и автомобиля, изъятие фрагментов пуль и гильз с места происшествия, выемка документов, относящихся к боевому заданию 27 октября 2001 года, изъятие оружия и обмундирования военнослужащих, участвовавших в событиях, ряд экспертиз, например, предварительный осмотр тел погибших, а также допрос очевидцев нападения – все это было сделано без промедления (см. п. 62 выше).

112. В то же время из этого не следует, что военные следственные органы, которым были переданы материалы уголовного дела 17 ноября 2001 года, продолжили следствие с той же тщательностью. В частности, согласно Правительству, судебно-медицинская экспертиза останков Амхада Гехаева и Залины Межидовой была назначена и проведена 30 октября 2001 года, а завершена только 19 февраля 2002 года. Суд в первую очередь замечает, что видимое расхождение между этим утверждением Правительства и показаниями заявителей, которые говорили, что тела их родственников были направлены на судебную экспертизу в Махачкалу и затем возвращены им в этот же день, то есть 30 октября 2001 г. (см. п. 24-25). Суд считает маловероятным, что два тела находились на рассмотрении судебных экспертов в течение более чем трех месяцев и находит разумным предположить, что экспертиза была проведена в указанное время и что в более позднее время ее результаты были записаны. Суд далее отмечает, что как может быть установлено из справки, представленной Правительством, что результаты экспертизы были направлены следственным органам только 29 июня 2004 г. (см. п. 63-64 выше). Правительство не дало разъяснений относительно сроков рассмотрения, или относительно промедления более чем в два г. между датой завершения экспертизы и датой, когда результаты были переданы следователям. Более того, не смотря на специальный запрос Суда, Правительство не предоставило копии никаких документов относительно результатов экспертизы. Вместо этого, оно направило очень краткую и отрывочную информацию о данных, полученных в ходе судебной экспертизы в отношении каждого тела (см. п.64 выше). Суд замечает, что, исходя из этой информации, нельзя понять, была ли установлена причина смерти Залины Межидовой или были ли какие-либо получены какие-либо

данные относительно заявленного расчленения трупа Залины Межидовой, как утверждали заявители, верхняя часть ее головы отсутствовала.

113. Более того, согласно справке, предоставленной Правительством, расследование по делу оставалось незавершенным до июля 2005 года, в течение этого времени оно приостанавливалось и возобновлялось, по крайней мере, пять раз. В частности, в первых двух случаях оно «прекращалось» в связи с отсутствием состава преступления в событиях 27 октября 2001 года, затем оно было вновь приостановлено, когда оказалось невозможным установить местонахождение капитана С., офицера, командующего военнослужащими, которые атаковали автомобиль «Нива», в результате чего погибли родственники заявителей, и в двух других случаях процесс против капитана С. приостанавливался в связи с актом амнистии. В отсутствие копий соответствующих процессуальных решений или других разъяснений Правительства, остается неясным, каковы основания этих решений и в особенности заявления об акте амнистии, были ли все обстоятельства, связанные со смертью родственников заявителей, должным образом установлены и были ли действия военнослужащих, причастных к инциденту 27 октября 2001 г. адекватно оценены, с учетом того, что эти действия включали не только убийство двух родственников заявителей, но также тот факт, что их тела увезли с места происшествия, и что тела были искалечены взрывом; это позднее было подтверждено, по крайней мере, в отношении Амхада Гехаева результатами судебной экспертизы в замечаниях Правительства (см. п. 64 выше). С учетом таких обстоятельств, Суд не может заключить, что военные следственные органы предприняли все необходимые шаги для проведения эффективного расследования событий 27 октября 2001 года.

114. Суд также считает, ссылаясь на справку, представленную Правительством, что постановление от 30 ноября 2001 г. о прекращении уголовного дела было отменено вышестоящим прокурором 21 июня 2002 года, тогда как следователь, ведущий дело, не вел расследование до 8 декабря 2003 г. (см. п.61 выше). Никакие разъяснения относительно этой задержки Правительством не были сделаны. Суд также замечает, что нет каких-либо разумных объяснений Правительства касательно многократных переводов уголовного дела из одного следственного органа в другой, которые затягивали расследование (см. п. 46, 49, 53 и 68).

115. Далее Суд отмечает отсутствие необходимых объяснений Правительства в связи с тем, что ни один из заявителей не был признан потерпевшим по уголовному делу, что дало бы им определенные минимальные гарантии участия в уголовном процессе. Предполагается, что А. А. Межидов, который согласно выше упоминаемой справке о следственных мероприятиях, был признан потерпевшим по делу 3 ноября 2001 года, это третий заявитель, отец Залины Межидовой (см. п. 62), из этого не следует, что кто-то из родственников Амхада Гехаева был признан потерпевшим по делу. Также из имеющихся у Суда материалов ясно, что заявителей информировали о ходе следствия по делу лишь частично и от случая к случаю и лишили их реальной возможности ознакомиться с материалами дела, несмотря на их многочисленные попытки получить доступ к ним. Суд считает, что заявителей фактически отстранили от участия в уголовном процессе, и у них не было возможности отстаивать свои законные интересы.

116. Ссылаясь на довод Правительства относительно того, что заявители якобы не обжаловали в суде действия или бездействие следователей, как это предусмотрено статьей 125 УПК РФ, Суд отмечает, во-первых, что заявители пытались воспользоваться этим средством защиты, но оно оказалось безрезультативным (см. п. 65-72 выше). В отсутствие какой-либо информации о

результатах расследования против должностных лиц, возбужденного заявителями, Суд считает, что в ситуации, когда следствие неоднократно приостанавливают и возобновляют, когда заявителям не дают возможности ознакомиться с материалами дела ни на одном его этапе, когда о ходе расследования их информируют лишь от случая к случаю, весьма сомнительно, чтобы упоминаемое Правительством средство правовой защиты имело какие-то шансы на успех. Кроме того, Правительство не продемонстрировало, что данное средство правовой защиты могло бы обеспечить восстановление справедливости в ситуации заявителей – иными словами, что оно исправило бы недостатки следствия и привело бы к установлению и наказанию лиц, виновных в смерти родственников заявителей. Поэтому Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не было установлено с достаточной степенью достоверности, что предлагаемое Правительством средство правовой защиты было бы эффективно в том значении, в каком это предусмотрено Конвенцией. Суд считает, что заявители не были обязаны прибегать к этому средству и что в данной части предварительные возражения Правительства следует отклонить.

117. В свете вышесказанного и ссылаясь на отказ Правительства предоставить материалы уголовного дела, Суд приходит к выводу, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств смерти Амхада Гехаева и Залины Межидовой.

118. Поэтому Суд постановляет, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процессуальной части.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

119. Заявители жаловались, что у них есть серьёзные основания полагать, что Амхад Гехаев и Залина Межидова были подвергнуты пыткам и бесчеловечному обращению перед тем, как они были убиты, и в этом отношении не было проведено эффективного расследования. По этому вопросу заявители также указали, что они пережили серьезное душевное страдание и стресс в связи с убийством их родственников и по причине неспособности государства провести тщательное расследование в этом отношении. Они ссылались на Статью 3, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Заявленное жестокое обращение в отношении родственников заявителей

120. В своих замечаниях до вынесения Судом решения о приемлемости жалобы заявители настаивали, что их родственники были подвергнуты жестокому обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции и что в этом отношении не было проведено эффективного расследования. После того как настоящая жалоба была признана приемлемой, заявители указали, что не намерены добиваться рассмотрения Судом своих жалоб, касающихся жестокого обращения в отношении их родственников.

121. По мнению Правительства, обстоятельства смерти родственников заявителей, установленные следствием, позволяли точно определить, что они не подвергались пыткам, запрещенным Статьей 3 Конвенции.

122. Учитывая обращение заявителей, сделанное после принятия Судом решения о приемлемости их жалобы, Суд не считает необходимым

рассматривать жалобу в вышеназванной части (см. *Khatsiyeva and Others*, цит. выше, § 157).

В. Жалобы относительно душевных страданий заявителей

123. Заявители также указали, что они пережили серьезные душевные страдания в связи с событиями 27 октября 2001 г. и по причине отсутствия отклика властей на их многочисленные ходатайства и запросы провести тщательное расследование, подпадающее под нарушение Статьи 3 Конвенции, и что таким образом и права были нарушены.

124. Правительство утверждало, что «ощущение событий является очень личным вопросом, зависящим от эмоциональных и других особенных свойств личности, и связано в действительности с областью психологии», и поэтому «невозможно оценивать степень моральных страданий заявителей, вызванных взглядами должностных лиц, осуществляющих расследование», которые ответственны только за расследование преступлений. Им было также отмечено, что, в соответствии с национальным законодательством, потерпевший от совершения преступления имеет право на компенсацию морального вреда; вместе с тем, учитывая, что расследование по делу о смерти родственников заявителей еще продолжается, преждевременно определять, был ли причинен какой-либо вред заявителям.

125. Суд отмечает, что в то время как члены семьи «исчезнувшего лица» могут утверждать, что стали жертвой обращения, нарушающего Статью 3 (см. *Kurt v. Turkey* judgment, §§ 130-34), тот же самый принцип обычно не применяется в ситуациях, когда взятое под стражу лицо было обнаружено мертвым (см., например, *Tanli v. Turkey*, no. 26129/95, § 159, ECHR 2001-III (выдержки)). В последнем деле Суд ограничил бы свои выводы Статьей 2. Также и в настоящем деле, учитывая глубину страданий заявителей, причиненную смертью родственников, Суд не находит основания для возникновения отдельного вопроса о нарушении Статьи 3 в том контексте, как это принято в практике Суда относительно специфики феномена «исчезновения».

126. Из этого Суд делает вывод, что в отношении заявителей не имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

127. Заявители далее указали, что положения Статьи 5 в целом были нарушены в отношении Амхада Гехаева и Залины Межидовой. Статья 5 Конвенции гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на

судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию".

128. Заявители оспорили утверждение Правительства, что Амхад Гехаев и Залина Межидова были убиты, когда федеральные военнослужащие атаковали машину. Они настаивали, что их родственники, вероятно, были ранены, а не убиты, когда их забрали из машины и посадили в военные вертолет, и таким образом они были задержаны в нарушение Статьи 5 Конвенции. В доказательство того, что их родственники были живы после инцидента 27 октября 2001 года, заявители сослались на тот факт, что уголовное дело в связи с этими событиями было возбуждено по Статье 126 УК РФ (похищение) и что свидетельства о смерти, выданные отделом регистрации актов гражданского состояния Гудермесского района в отношении Залины Межидовой и Амхада Гехаева, указывают даты смерти 1 и 27 ноября 2001 г. соответственно.

129. Согласно данным Правительства, обстоятельства смерти родственников заявителей, установленные расследованием, четко указывают на то, что данные лица не задерживались в нарушение положений статьи 5 Конвенции.

130. Относительно обстоятельства данного дела, Суд не находит аргументы заявителей убедительными. В частности, касательно их указание, что уголовное дело было возбуждено по факту похищения, а не убийства; как следует из информации, предоставленной сторонами, власти возбудили сразу после произошедшего на основании сведений, доступных им на тот момент. Кажется маловероятным, что уже на этой стадии власти установили обстоятельства инцидента достаточно точно, чтобы возможно было с уверенностью заявлять, что родственники заявителей были живы, когда их забрали военнослужащие с места происшествия; и поэтому факт, что это было предполагаемое похищение, потому что оно стало основанием для возбуждения уголовного, не может считаться объективным доказательством обвинения заявителей. Что касается их довода относительно свидетельств о смерти, выданных отделом регистрации актов гражданского состояния, в которых указано, что Залина Межидова и Амхад Гехаев умерли 1 и 27 ноября 2001 г. соответственно, Суд отмечает, что этот аргумент противоречит собственным показаниям заявителей, в которых говорилось, что тела их родственников были им переданы 29 октября 2001 г. и похоронены 30 октября 2001 года.

131. Суд далее замечает, что не было подтверждено каким-либо документам, который бы с большой долей вероятности удостоверял точную дату смерти Амхада Гехаева и Залины Межидовой. Тем не менее, можно установить из замечаний сторон, что их родственники умерли не позднее двух дней после атаки. По мнению Суда в ситуации, где машина с родственниками заявителей подверглась нападению нескольких военнослужащих с автоматами, которые нанесли им множество огнестрельных ранений, что позднее было установлено судебно-медицинскими экспертами (см. п. 64 выше), более чем вероятно предположить, что Амхад Гехаев и Залина Межидова умерли сразу или впоследствии случившегося. Таким образом, Суд не находит основания для возникновения отдельного вопроса о нарушении Статьи 5.

132. Суд делает вывод, что в обстоятельствах данного дела не имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

133. Заявители жаловались на отсутствие эффективных внутригосударственных средств защиты в отношении нарушений их прав, гарантированных Статьями 2, 3 и 5 Конвенции, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

134. заявители утверждали, что административная практика, заключающаяся в продолжающейся неспособности властей осуществлять адекватные расследования правонарушений, совершенных представителями федеральных сил в Чечне сделала неадекватными и иллюзорными в их деле все потенциально эффективные средства правовой защиты. В этой связи они ссылались на жалобы, поданные в Суд другими лицами, утверждающими, что они являются жертвами схожих нарушений, документы правозащитных неправительственных организаций и сообщения средств массовой информации. Заявители также сослались на общие проблемы в функционировании судебной системы в Чечне в период военных действий. Что касается копий судебных решений, предоставленных Правительством в поддержку своего утверждения о существовании эффективных средств правовой защиты в России (см. п. 77 выше), заявители утверждали, что решения, принятые по гражданским делам, не имеют значения, так как, согласно хорошо установившейся практике Суда, предполагаемые нарушения статей 2 и 3 не могут быть возмещены только компенсацией вреда родственникам жертв в порядке гражданского судопроизводства. Относительно приговоров по уголовным делам, представленных Правительством, заявители утверждали, что они не имеют значения, так как в деле заявителей расследованием не были установлены виновные лица.

135. По мнению Правительства, заявители имели в своем распоряжении эффективные средства правовой защиты, как требуется статьёй 13 Конвенции, и власти не препятствовали им в использовании данных средств правовой защиты. В частности, властями было возбуждено уголовное дело в тот же день, когда были убиты родственники заявителей, и в рамках этого расследования у заявителей была возможность обжаловать действия либо бездействие следственных органов военным прокурорам различных уровней или в Генеральную прокуратуру, а также в военные суды и Верховный Суд России. Правительство настаивало на том, что заявители «регулярно информировались о ходе расследования и вынесенных постановлениях» в ходе уголовного расследования. Правительство также заявило, что у заявителей была возможность получить доступ к материалам уголовного дела по завершении расследования, когда дело будет передано в суд. Правительство обосновало свои объяснения о существовании эффективных средств правовой защиты в России копиями национальных судебных решений, принятых по гражданским или уголовным делам, не имеющих отношения к данному делу.

136. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, Статья 13 требует, чтобы имелось правовое средство, позволяющее принять решение по существу "потенциально достоверной" жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение, хотя государствам дана некоторая

свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Объем обязательств по статье 13 может быть различным в зависимости от характера жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Вместе с тем правовое средство, требуемое статьей 13, должно быть юридически и практически «эффективным» в том смысле, что возможность его использования не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти государства-ответчика (цитируемое выше постановление по делу *Aksoy*, § 95).

137. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. постановление по делу *Khatsiyeva and Others*, цит. выше, § 162, и другие постановления, цитируемые в нем). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 384, 18 июня 2002).

138. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2, жалобы заявителей явно следует считать "потенциально достоверными" в значении Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988 г., Сер.А no. 131, § 52). Следовательно, заявители должны были иметь возможность воспользоваться эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и назначению компенсации для целей Статьи 13.

139. Из этого следует, что при обстоятельствах, когда, как в данном случае, уголовное расследование смерти было неэффективным (см. пп. 117 выше) и когда в связи с этим была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства правовой защиты, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции (см. среди прочего, *Khatsiyeva and Others*, цит. выше, § 164).

140. Следовательно, имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в части вышеназванных нарушений Статьи 2 Конвенции.

141. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 13 в связи со Статьями 3 и 5 Конвенции, Суд напоминает, что им было признано, что не имело место нарушение прав заявителей по Статьям 3 и 5 Конвенции. В отсутствие Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции. В отсутствие признанного нарушения материальной части Конвенции, Суд находит, что не имело место нарушение Статьи 13 в этом отношении также.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

142. Заявители жаловались по Статье 14 в связи со Статьями 2 и 3 Конвенции, что названные нарушения были связаны с их чеченским этническим происхождением и с тем, что они проживают в Чечне. Это противоречит Статье 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального

происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

143. Заявители настаивали на своих жалобах, тогда как Правительство утверждало, что заявители никогда не подвергались дискриминации при реализации своих конвенционных прав по какому бы то ни было основанию.

144. Суд отмечает, что в его распоряжение не было предоставлено доказательств, которые свидетельствовали бы об ином обращении с заявительницей, нежели с другими людьми в аналогичной ситуации, без объективных и рациональных причин, а также доказательств того, что заявители когда-либо обращались с подобной жалобой к российским властям. Поэтому Суд находит, что данная жалоба не обоснована (см., например, *Musikhanova and Others v. Russia* (решение о приемлемости), №27243/03, 10 июля 2007).

145. Поэтому Суд находит, что по данной жалобе нет нарушения Статьи 14 Конвенции.

VII. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (а) КОНВЕНЦИИ

146. Заявители утверждали, что государство отказалось предоставить материалы уголовного дела в связи с убийством их родственников, как того требовал Суд на стадии коммуникации и после вынесения решения о приемлемости, и тем самым нарушило свои обязательства по Статье 38 § 1 (а) Конвенции. Эта статья в соответствующей части гласит:

“1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия...”

147. Правительство оспорило эту жалобу по Статье 38 § 1 (а), так как оно предоставило подробную информацию о следственных мероприятиях, предпринятых по делу. Правительство повторило, что предоставление материалов дела противоречило бы статье 161 Уголовно-процессуального кодекса. Оно также заявило, что принимает во внимание возможность, предоставляемую Правил 33 Правил Суда об обеспечении конфиденциальности представленных материалов, но заметило, что Суд не может гарантировать, что раскрытые заявителям или их представителям материалы не станут публичными. По мнению Правительства, в отсутствие санкций в отношении заявителей за раскрытие секретной информации или материалов нет гарантий исполнения ими требований Конвенции и Регламента Суда.

148. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечили все необходимые материалы для проведения тщательного и эффективного рассмотрения жалоб (см. цитируемое выше постановление по делу *Tanrikulu*, § 70). В исполнение данного обязательства Государства должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или выполняет свои обязанности общего характера по рассмотрению жалоб. Когда Правительство, располагая такой информацией, не предоставляет ее без удовлетворительного объяснения, это может не только привести к выводу о том, что жалобы заявителя обоснованы, но и негативно отразиться на степени соблюдения Государством-ответчиком его обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI). В деле, в

котором заявители поднимают вопрос об эффективности расследования, материалы уголовного дела крайне существенны для установления фактов и их отсутствие может препятствовать надлежащему изучению Судом как на стадии приемлемости, так и при рассмотрении дела по существу (см. *Tanrikulu*, цит. выше, § 70).

149. Суд отмечает, что он несколько раз запрашивал у Правительства предоставить копии материалов уголовного дела, возбужденного по факту смерти родственников заявителей. Данные, содержащиеся в этих материалах, расценивались Судом как существенные для установления фактов настоящего дела. В ответ Правительство подало только копию справки с перечнем следственных действий, предпринятых в ходе расследования, без предоставления какой-либо детальной информации об этих действиях (см. п. 60 выше). Ссылаясь на статью 161 УПК РФ, Правительство отказалось предоставить какие-либо материалы уголовного дела.

150. Суд далее отмечает, что Правительство не ответило на заявление по Правилу 33 § 2 Правил Суда, которое подразумевает ограничение норм разглашения документов, предоставленных Суду на законных основаниях, таких как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, и в интересах юрисдикции. Суд далее замечает, что положения ст. 161 УПК РФ, на которую ссылается Правительство, не запрещают предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации. Суд также указывает на некоторые рассматриваемые Судом сходные жалобы, где в ответ на аналогичные запросы Правительство РФ представило документы из материалов дела без ссылок на Статью 161 УПК (см., например, *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, № 57942/00 и 57945/00, § 46, 24 февраля 2005, или *Magomadov and Magomadov v. Russia*, № 68004/01, §§ 36 и 82, 12 июля 2007), или согласилось предоставить материалы уголовного дела даже если изначально ссылались на статью 161 (см. [Khatsiyeva and Others](#), цит. выше, §§ 62-63).). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства относительно предоставления материалов дела недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

151. Ссылаясь на важность оказания Правительством-ответчиком содействия в ходе осуществления конвенционного судопроизводства и имея в виду сложности, связанные с установлением фактов по делам такого рода, Суд считает, что Правительство не выполнило свои обязательства по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных в связи убийством родственников заявителей.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

152. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение ущерба

1. Возмещение материального ущерба

153. Первый заявитель потребовал 7,100 долларов США (USD) за его автомобиль ВАЗ 2121 "Нива", который был поврежден в ходе событий 27

октября 2001. Седьмой и восьмой заявители, малолетние дети Залины Межидовой, просят компенсацию в размере 184,636.04 российских рублей (соответственно 5,000 евро) и 162,231.39 рублей (соответственно 4,500 евро) в связи с потерей финансовой поддержки их матери, которую они могли бы получать до достижения ими совершеннолетия. Заявители утверждали, что они и их погибшие родственники арендовали земельный надел для сельскохозяйственных работ и продавали урожай на рынке. Заявители сообщили, что они не могут представить никакой документ об определенных доходах Залины Межидовой, но утверждали, что они не были бы меньше, чем денежное пособие безработного, имеющего подобную квалификацию. Заявители предоставили подробные расчеты, основанные на таблицах, разработанных для исчисления компенсации при несчастных случаях и случаях нанесения личного оскорбления Страховым Департаментом Правительства Великобритании в 2004 году ("Ogden Actuarial Tables"), ссылаясь на отсутствие равноценного метода калькуляции в России.

154. Правительство заявило, что данное требование является чрезмерным и основанным на предположениях.

155. Суд указывает, что должна существовать ясная причинно-следственная связь между ущербом, компенсации которого требует заявитель и который в соответствующих делах может включать компенсацию за потерю заработка, и нарушением Конвенции (см., среди других прецедентов, *Çakıcı v. Turkey* [GC], № 23657/94, § 127, ECHR 1999-IV). Суд указывает, что между признанными нарушениями и материальным вредом, причиненным первому заявителю нет такой связи. Следовательно, это требование должно быть отклонено. Что касается требований седьмого и восьмого заявителей, Суд считает, что здесь, в самом деле, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении их матери и потерей заявителями финансовой поддержки, которую она могла бы им оказывать. Суд считает, что потеря заработка применима в отношении иждивенцев и считает разумным предположить, что Залина Межидова имела бы, в конце концов, определённый заработок, которым бы пользовались заявители. Учитывая объяснения заявителей, Суд не считает, что просьбы седьмого и восьмого заявителей завышены. Поэтому он присуждает 5000 евро седьмому заявителю и 4500 евро восьмому заявителю в виде компенсации материального ущерба, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

2. Возмещение морального ущерба

156. В отношении морального ущерба заявители утверждали, что потеряли своих близких родственников и пережили тяжелые душевные страдания в связи с убийством их близких родственников и в результате того, что российские власти не провели эффективного расследования жалоб этих событий. Они запросили в общей сложности 145000 евро, которые складывались из следующих требований:

(i) первый заявитель потребовал 5,000 евро в качестве компенсации морального ущерба за смерть его внука и невестки;

(ii) второй и третий заявители каждый потребовали 10,000 евро в качестве компенсации морального ущерба за смерть их дочери;

(iii) четвертый и пятый заявители каждый потребовали 25,000 евро в качестве компенсации морального ущерба за смерть их единственного сына;

(iv) шестой заявитель потребовал 20,000 евро в качестве компенсации морального ущерба за смерть его жены;

(v) седьмой и восьмой заявители потребовали каждый 25,000 евро в качестве компенсации морального ущерба за смерть их матери.

157. Правительство посчитало требования заявителей завышенными и выразило мнение, что если Суд признает нарушение прав заявителей, будет достаточно символической суммы компенсации.

158. Суд признал нарушение Статей 2 и 13 Конвенции в отношении не признаваемого смерти родственников заявителей и непроведения должного расследования в этой связи и отсутствия эффективных средств защиты против таких нарушений. Более того, Суд установил, что Правительство не выполнило обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных Судом. Заявители пережили душевные страдания и стресс в этих обстоятельствах, которые не могут быть компенсированы одним лишь фактом признания нарушений прав. Принимая во внимание эти заключения, Суд присуждает, на основаниях объективности, первому заявителю 5,000 евро, второму и третьему заявителям совместно 20,000 евро, четвертому и пятому заявителям совместно 40,000 евро и шестому, седьмому и восьмому заявителям совместно 45,000 евро, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

В. Издержки и расходы

159. Заявители в Суде представляли юристы организации SRJI. Они предоставили список понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, поданных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 10 201 98 евро, в том числе 7,950 евро за 63 часа, затраченных сотрудниками SRJI на подготовку и написание материалов по жалобе. Они также просили компенсировать 968 евро расходов за переводы, 616 56 евро за услуги курьерской почтовой службы и административные расходы в размере 667.42 евро (7% от указанной суммы по работе юристов).

160. Правительство не оспаривало отдельные пункты сметы, поданной заявителями, но оспорило требования в целом как завышенные, утверждая, что SRJI является некоммерческой неправительственной организацией и должно оказывать помощь заявителям безвозмездно. Правительство также утверждало, что требования заявителей не подкреплены соответствующими документами.

161. Суд отмечает, что в марте 2002 г. заявители дали SRJI доверенности на предоставление их интересов в ходе рассмотрения дела перед Европейским Судом по правам человека. SRJI являлись представителями заявителей на протяжении всего процесса. Заявители также предъявили необходимые документы в подтверждение своих расходов на переводы и услуги почты. Принимая во внимание представленные сведения, Суд считает эти ставки за работу юристов и старших сотрудников SRJI разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

162. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

163. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 8500 евро за вычетом 850 евро,

полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

С. Выплата процентов

164. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части лишения жизни Амхада Гехаева и Залины Межидовой;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения властями адекватного и эффективного расследования обстоятельств смерти Амхада Гехаева и Залины Межидовой;
4. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобы заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении бесчеловечного обращения к Амхаду Гехаеву и Залине Межидовой;
5. *Постановляет*, что не имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого душевного страдания заявителей;
6. *Постановляет*, что не имело место нарушение Статьи 5 Конвенции;
7. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 в связи с нарушениями Статьи 2 Конвенции;
8. *Постановляет*, что не имело место нарушение Статьи 13 в связи с нарушениями Статьями 3 и 5;
9. *Постановляет*, что не имело место нарушение Статьи 14 Конвенции;
10. *Постановляет*, что была нарушена Статья 38 § 1 (а) Конвенции в части отказа Государства представить документы по запросу Суда;
11. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить заявителям следующие суммы которые за вычетом суммы, подлежащий уплате на счет банка в Нидерландах, должны быть конвертированы в российские рубли по курсу на день оплаты:
 - (i) EUR 5,000 (пять тысяч евро) седьмому заявителю и EUR 4,500 (четыре тысячи пятсот евро) восьмому заявителю в порядке возмещения материального ущерба;
 - (ii) EUR 5,000 (пять тысяч евро) первому заявителю, EUR 20,000 (двадцать тысяч евро) второму и третьему заявителям совместно, EUR 40,000 (сорок тысяч евро) четвертому и пятому заявителям совместно и EUR 45,000 (сорок пять тысяч евро) шестому, седьмому и восьмому заявителям совместно в порядке возмещения морального ущерба;
 - (iii) EUR 7,150 (семь тысяч сто пятьдесят евро) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;
 - (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере

предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

12. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 14 ноября 2008 г. в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен, Секретарь

Кристос Розакис, Председатель

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список заявителей

1. Господин Абзат (или Абзот) Абзуевич¹ Ахмадов, 1943 г. рождения,
2. Госпожа Маржан Абдулаевна Межидова, 1947 г. рождения,
3. Господин Амхад Ахмедович Межидов, 1949 г. рождения,
4. Господин Ваха-Хажа Абубакарович Гехаев, 1963 г. рождения,
5. Госпожа Айна Абзатовна² Гехаева, 1968 г. рождения,
6. Господин Махмуд Абзатович³ Ахмадов, 1978 г. рождения,
7. Господин Магамед-Али Махмудович Ахмадов, 1999 г. рождения,
8. Госпожа Иман Махмудовна⁴ Ахмадова, 2001 г. рождения.

¹Изменено 3 июня 2009 г.: отчество заявителя было изменено с «Абзотович» на «Абзуевич».

²Изменено 3 июня 2009 г.: отчество заявительницы было изменено с «Абзотовна» на «Абзуевна».

³Изменено 3 июня 2009 г.: отчество заявителя было изменено с «Абзотович» на «Абзатович».

⁴Изменено 8 июня 2010 г.: отчество заявительницы было изменено с «Магомедовна» на «Махмудовна».